

Уильям Стайрон - Выбор Софи

Нью-Йорк, Бруклин, 1947 г. Начинающий писатель Стинго, от лица которого строится повествование, вознамерился покорить литературную Америку. Однако пока ему похвастаться нечем. Работа рецензентом в довольно крупном издательстве оказывается непродолжительной, завязать полезные литературные знакомства не удастся, да и деньги оказываются на исходе. Повествование многослойно. Это автобиография Стинго. А также история Софи, молодой польки Зофьи Завистовской, прошедшей через ад Освенцима. И растянувшийся на много страниц «жестокий романс» — описание роковой любви Зофьи и Натана Ландау, соседей Стинго по дешевому пансиону в Бруклине. Это роман о фашизме и отчасти трактат о мировом зле. Стинго поглощенно трудится над своим первым романом из жизни родного Юга, в котором знатоки творчества Стайрона легко узнают его собственный роман-дебют «Затаись во мраке». Но в мрачный готический мир страстей, который стремится воссоздать Стинго, врывается иной материал. История жизни Зофьи, которую та фрагмент за фрагментом рассказывает симпатичному соседу в минуты страха и отчаяния, вызванные очередной размолвкой с неуживчивым Натаном, заставляет Стинго задуматься о том, что же такое фашизм.

Одним из наиболее интересных его наблюдений становится вывод о мирном сосуществовании двух жизненных пластов-антагонистов. Так, размышляет он, в тот самый день, когда в Освенциме была произведена ликвидация очередной партии доставленных эшелонам евреев, новобранец Стинго писал веселое письмо отцу из лагеря подготовки морских пехотинцев в Северной Каролине. Геноцид и «почти комфорт» выступают в виде параллелей, которые если и пересекаются, то в туманной бесконечности. Судьба Зофьи напоминает Стинго, что ни он, ни его соотечественники толком не знали о фашизме. Его личный вклад заключался в прибытии на театр военных действий, когда война, по сути дела, была уже окончена.

Польша, тридцатые годы... Зофья — дочь профессора права Краковского университета Беганьского. Там же преподает математику её муж Казимир. Где-то вдалеке уже поднимает голову фашизм, попадают в лагеря люди, но стены уютной профессорской квартиры оберегают Зофью от печальных фактов. Не сразу доверяет она Стинго то, что держала в тайне от Натана. Ее отец отнюдь не был антифашистом, спасавшим евреев, рискуя собственной жизнью. Респектабельный правовед, напротив, был ярким антисемитом и сочинил брошюру «Еврейская проблема в Польше. Может ли решить её национал-социализм». Ученый-правовед, по сути дела, предлагал то, что впоследствии нацисты назовут «окончательным решением». По просьбе отца Зофье пришлось перепечатать рукопись для издательства. Отцовские воззрения вызывают у нее ужас, но потрясение быстро проходит, заслоняется семейными заботами.

...1939 г. Польша оккупирована гитлеровцами. Профессор Беганьский надеется быть полезным рейху как эксперт по национальным вопросам,

но его участь предрешена стопроцентными арийцами. Как представитель неполноценной славянской расы он не нужен великой Германии. Вместе со своим зятем, мужем Зофьи, он попадает в концлагерь, где оба и погибают. Стинго внемлет «польской истории», а сам исправно запечатлевает на бумаге образы родного Юга. Натан проявляет интерес к его работе, читает отрывки из романа и хвалит Стинго, причем не из вежливости, а поскольку действительно верит в литературный талант соседа по пансиону. В то же самое время бедняге Стинго приходится одному отвечать за все эксцессы взаимоотношений между черными и белыми в этом регионе Америки, филиппики Натана звучат несправедливо, но ирония судьбы такова, что теперешнее относительное благополучие Стинго уходит корнями в далекое прошлое и связано с семейной драмой. Оказывается, деньги, присланные ему отцом и позволяющие продолжить работу над романом, — часть суммы, вырученной в далекие времена его прадедом от продажи молодого невольника по прозвищу Артист. Он был несправедливо обвинен истеричной девицей в приставании, а потом оказалось, что она его оклеветала. Прадед предпринял немало усилий, чтобы разыскать юношу и выкупить его, но тот словно сгинул. Грустная участь Артиста, скорее всего, нашедшего безвременную смерть на плантациях, становится тем фундаментом, на котором пытается строить свою писательскую будущность начинающий художник, тяготеющий к изображению мрачных сторон действительности. Правда, большая часть этих денег будет украдена у Стинго, и его посетит двойное чувство досады и свершения исторической справедливости.

Достаётся от Натана и Зофье. Он не только беспричинно ревнует её к самым разным персонажам романа, но в минуты ярости обвиняет её в антисемитизме, в том, дескать, как она посмела выжить, когда евреи из Польши практически все сгинули в газовых камерах. Но и тут в упреках Натана есть крупица правды, хотя не ему судить свою возлюбленную. Тем не менее все новые и новые признания Зофьи создают образ женщины, отчаянно пытающейся приспособиться к ненормальному существованию, заключить пакт со злом — и снова, и снова терпящей неудачу.

Перед Зофьей встает проблема: принять участие в движении Сопротивления или остаться в стороне. Зофья принимает решение не рисковать: как-никак у нее дети, дочь Ева и сын Ян, и она убеждает себя, что в первую очередь несет ответственность за их жизни.

Но волей обстоятельств она все же попадает в концлагерь. В результате очередной облавы на подпольщиков её задерживают, а коль скоро при ней оказывается запрещенная ветчина (все мясо — собственность рейха), её отправляют туда, куда она так страшилась попасть — в Освенцим.

Ценой сепаратного мира со злом Зофья пытается сохранить своих близких и теряет их одного за другим. Умирает, оказавшись без поддержки, мать Зофьи, а по прибытии в Освенцим судьба в образе пьяного эсэсовца предлагает ей решить, кого из детей оставить, а кого потерять в газовой камере. Если она откажется сделать выбор, в печь будут отправлены оба, и после мучительных колебаний она оставляет сына Яна. И в лагере Зофья

прилагает отчаянные усилия, чтобы приспособиться. Став на время секретарем-машинисткой всесильного коменданта Хёсса, она постарается выволить Яна. Пригодится и сохраненный ею папин трактат. Она объявит себя убежденной антисемиткой и поборницей идей национал-социализма. Она готова стать любовницей Хёсса, но все её усилия идут прахом.

Начавшего проявлять к ней интерес главного тюремщика переводят в Берлин, а её обратно в общий барак, и попытки облегчить участь сына окажутся тщетными. Ей уже не суждено увидеть Яна.

Постепенно Стинго понимает, что же удерживает её в обществе Натана. В свое время он не дал ей погибнуть в Бруклине, сделал — с помощью своего брата-врача Аарри — все, чтобы она оправилась от потрясений и недоедания и обрела силы продолжать жить. Благодарность заставляет её сносить безумную ревность Натана, приступы бешенства, во время которых он не только оскорбляет, но и избивает её.

Вскоре Стинго узнает печальную истину. Ларри рассказывает ему, что его брат отнюдь не талантливый биолог, работающий над проектом, который, по уверениям Натана, принесет ему Нобелевскую премию. Натан Ландау от природы блестяще одарен, но тяжелое психическое заболевание не позволило ему самореализоваться. Семья не жалела сил и средств на его лечение, но усилия психиатров не приносили нужного результата. Натан действительно работает в фармацевтической фирме, но скромным библиотекарем, а разговоры про науку, про грядущее открытие — все это для отвода глаз.

Тем не менее в очередной период относительного психического благополучия Натан сообщает Стинго о своем намерении жениться на Зофье, а также о том, что они втроем отправятся на юг, на «фамильную ферму» Стинго, где и отдохнут как следует.

Разумеется, планы так и остаются планами. Новый припадок Натана, и Зофья спешно покидает дом. Впрочем, Натан звонит ей и Стинго по телефону и обещает пристрелить их обоих. В знак серьезности своих намерений он стреляет из пистолета, пока что в пространство.

По настоянию Стинго Зофья покидает Нью-Йорк в его обществе. Они отправляются на ферму Стинго. Именно в ходе этого путешествия герою удастся расстаться со своей девственностью, каковая отнюдь не украшала готического художника. Попытки стать мужчиной Стинго предпринимал неоднократно, но в Америке конца сороковых годов идеи свободной любви не пользовались популярностью. В конечном счете начинающему американскому писателю досталось то, в чем в силу обстоятельств было отказано коменданту Освенцима. Страдалица и жертва тотального насилия, Зофья в то же время выступает воплощением Эротики.

Впрочем, проснувшись после упоительной ночи, Стинго понимает, что он в номере один. Зофья не вынесла разлуки с Натаном и, изменив свое решение, возвращается в Нью-Йорк. Стинго незамедлительно отправляется за ней вдогонку, понимая, что, скорее всего, уже опоздал помешать случиться неотвратимому. Последнюю дилемму, которую предлагает судьба Зофье — остаться жить со Стинго или умереть с Натаном, она решает

однозначно. Она слишком много раз уже выбирала жизнь — ценой гибели других. Теперь она поступает иначе. Отвергая возможность безбедного существования, Зофья сохраняет верность человеку, который однажды спас её, — теперь она окончательно связала свою судьбу с ним. Как персонажи античной трагедии, они принимают яд и умирают одновременно. Стинго остается жить — и писать.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).